

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,
ОСНОВАННЫЙ М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ОКТАБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Владиміръ Соловьевъ и «оправданіе» войны.—Задача войны по опредѣленію дипломатіи, «Армейскаго Вѣстника» и П. Кропоткина.—Милитаризмъ.—Война и государство.—Осуществимыя и несбыточныя перспективы.—Нѣмецкій судъ надъ плѣннымъ русскимъ генераломъ.—Война и тюрьма.—Съѣздъ всероссійскаго союза городовъ.

Московское религіозно-философское общество памяти Владимира Соловьева учредило лазаретъ для раненыхъ воиновъ. Отверывая засѣданіе, на которомъ было принято рѣшеніе объ открытіи лазарета, предсѣдатель общества, Г. А. Рачинскій, обратился къ собравшимся съ рѣчью и темой ея поставилъ вопросъ: какъ отнесся бы Владимиръ Соловьевъ къ великимъ событіямъ нашихъ дней?

«Какъ онъ болѣлъ, какъ онъ радовался бы, какъ онъ плакалъ бы съ нами въ эти дни!—говорилъ ораторъ:—онъ, высказывавшій надежду на примиреніе Руси съ Польшей на Ясной Горѣ, подъ покровомъ Владычицы Ченстоховской, обитель которой теперь служитъ бастиономъ для нѣмецкихъ пушекъ. Какъ радовался бы, видя георгіевскія ленты на груди евреевъ!—онъ, томившійся о пришествіи тѣхъ временъ, когда Израиль будетъ дорогимъ братомъ другихъ народовъ. Какъ привѣтствовалъ бы наше братство съ французами, закрѣпленное теперь кровью!—онъ, вѣрившій въ живую душу этого народа и указавшій, что «даже въ душѣ позитивиста француза, въ душѣ Конта, жило смутное пониманіе Софіи, Премудрости Божіей». Какъ молился бы онъ за героическую, крѣпко вѣрующую Бельгію!..» «Онъ ошибся,—говорилъ, далѣе, Г. А. Рачинскій,—въ Вильгельмѣ. Когда, надѣвъ маску крестоносца, Вильгельмъ призывалъ народы объединиться подъ знаменемъ креста, онъ увидѣлъ въ немъ старую доблесть христіанской Германіи, колыбели идеализма,—той Германіи, о которой больше всего думали славянофилы, когда называли Западную Европу страной святыхъ чудесъ. За-то онъ увидѣлъ бы теперь, какъ монголы ежедневно даютъ лже-Зигфриду уроки того, какъ надо носить образъ и подобіе Божіе». («Русскія Вѣдомости», № 213).

Да, Владимиръ Соловьевъ ошибся въ Вильгельмѣ. Онъ ошибался также въ опредѣленіи причины «предстоящей» войны, въ которой должна будетъ принять участіе вся Европа. Для него такой причиной была надвигающаяся «желтая опасность»,—движеніе въ

Европу монгольской расы. Но онъ не ошибся въ принципиальномъ отношеніи къ войнѣ, — въ томъ «оправданіи» войны, которое въ свое время было встрѣчено рѣзкими возраженіями и даже въ близкихъ ему людяхъ вызвало немалое недоумѣніе.

«При нравственномъ разстройствѣ внутри человѣчества, — писалъ Владиміръ Соловьевъ, — внѣшнія войны бывали и еще могутъ быть необходимы и полезны». И, аргументируя свою мысль, онъ, въ ряду многихъ другихъ, выдвигалъ слѣдующіе тезисы: «Организація войны въ государствѣ есть первый шагъ на пути къ осуществленію мира». «Война сильнѣе всего объединяетъ внутреннія силы каждаго изъ воюющихъ государствъ или союзовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ условіемъ для послѣдующаго сближенія и взаимнаго проникновенія между самими противниками». («Оправданіе добра» гл. XV, «Смыслъ войны»).

То единство общественнаго сознанія, которое съ перваго дня нынѣшней войны охватило у насъ всѣ теченія политической мысли, служитъ яркимъ подтвержденіемъ начальныхъ словъ втораго тезиса В. С. Соловьева. Объединеніе внутреннихъ силъ населенія государства есть безспорное благо. А могло ли оно явиться внѣ условій, вѣрнѣе: — внѣ факта войны, — конечно, войны идейной и за правое дѣло? Прочно объединилось въ борьбѣ противъ прусскаго юнкерства и общественное сознаніе всей периферіи Европы, не исключая Италіи, которая еще такъ недавно была союзницей Германіи и Австріи. Что же касается заключительной фразы тезиса, то уже и сейчасъ предвидятся иныя условія европейскаго мира, разъ германизмъ будетъ сломленъ и разъ будетъ вырвано съ корнемъ гнѣздо милитаризма въ центрѣ Европы, свитое мощной рукой «железнаго канцлера» и мечтами о военной славѣ Вильгельма II.

Не только въ Элладѣ и въ Римѣ организація войны была первымъ шагомъ на пути къ осуществленію мира. На этомъ пути выросъ и съ конца XIX вѣка пышно расцвѣлъ милитаризмъ, который возвелъ «организацію войны» въ всеподавляющій догматъ государственнаго бытія. Какъ о стѣну, разбивались о милитаризмъ всѣ попытки организовать войну въ смыслѣ смягченія ея ужасовъ, устраненія отъ нея второстепенныхъ европейскихъ державъ, и если не въ смыслѣ разоруженія, то хотя бы въ смыслѣ ограниченія вооруженій. «Гнѣздо милитаризма» лицемѣрно участвовало въ конвенціяхъ и договорахъ. И въ то же время въ Берлинѣ разрабатывался планъ кампаніи, въ основѣ котораго лежало нарушеніе нейтралитета Бельгіи и терроризированіе противниковъ разгромомъ памятниковъ художественнаго творчества и жестокостью временъ Аттилы. «Охота вамъ придавать такое значеніе клочку бумаги!» — говорилъ герман-

скій канцлеръ въ отвѣтъ на представленіе Англій по поводу вступленія германскихъ войскъ въ Бельгію.

«Организація войны», въ смыслѣ приближенія осуществленія мира, есть, однако, давно назрѣвшая и сознанныя задача. Ея разрѣшенія не допускало лишь «гниздо милитаризма». Но можно ли было его вырвать и разметать безъ войны? И если въ итогъ нынѣшней войны падеть милитаризмъ, какъ основа строя жизни народовъ и государствъ Европы, то всѣ милліоны безвременно погибшихъ людей и всѣ неисчислимыя имущественныя жертвы получатъ несомнѣнное «оправданіе». Всего спустя менѣе двадцати лѣтъ, событія показали, какъ правъ былъ Владиміръ Соловьевъ, когда онъ говорилъ: «войны еще могутъ быть необходимы и полезны».

«Война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока союзники не достигнутъ цѣли и не покончатъ съ германскимъ милитаризмомъ»... «Наше дипломатическое вѣдомство, въ полномъ согласіи съ союзными правительствами, не допускаетъ никакихъ переговоровъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, о заключеніи мира до полного уничтоженія гнизда милитаризма въ Германіи»... Таковы были оффиціозныя оповѣщенія въ петроградскихъ газетахъ изъ «высокоавторитетнаго источника».

«Пусть вызванное къ жизни императоромъ Вильгельмомъ прусское юнкерство,—заявлялъ «Армейскій Вѣстникъ»,—пожинаетъ заслуженные плоды». «Не противъ народовъ Германіи и Австро-Венгріи,—продолжалъ органъ дѣйствующей арміи,—ведутъ войну Россія и ея союзники, не угнетенія или лишенія ихъ самостоятельности мы добиваемся,—а уничтоженія, полного и безусловнаго уничтоженія, злокачественной язвы, разъядавшей до сихъ поръ тѣло мирной, трудящейся Европы, уничтоженія гогенцоллернскаго «брошированного кулака».

И одновременно П. Кропоткинъ писалъ: «При данныхъ условіяхъ, всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизаціи, и то, за что боролся рабочій интернаціональ, можетъ дѣлать только одно,—помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій имперіализмъ»... «Нельзя не желать полного пораженія зарвавшейся военной Германіи. Нельзя даже оставаться нейтральнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ нейтральность была бы потворствомъ желѣзному кулаку».

Трудно, конечно, представить себѣ полюсы, болѣе удаленные одинъ отъ другого, чѣмъ наше дипломатическое вѣдомство и «Армейскій Вѣстникъ», съ одной стороны, и П. Кропоткинъ — съ другой. И если на обоихъ полюсахъ одинаково формулирована

задача войны, то формула эта не может не быть признана вѣрной. Насколько милитаризмъ въ послѣднія десятилѣтія давилъ и ломалъ европейскую жизнь, это весьма характерно иллюстрируетъ судьба двухъ великихъ изобрѣтеній человѣческаго генія: беспроволочнаго телеграфа и побѣды надъ воздухомъ. Только на морѣ изобрѣтеніе Маркони получило широкое практическое примѣненіе. На сушѣ пользованіе имъ вовсе не вошло въ обиходъ, единственно потому, что сѣть станцій искрового телеграфа и беспроволочная передача депешъ могли въ мирное время служить цѣлямъ шпіонажа, въ случаѣ же войны непріятель могъ, пользуясь ими, узнавать военныя тайны. А потому еще раньше, чѣмъ беспроволочный телеграфъ получилъ техническое усовершенствованіе, военное вѣдомство вездѣ и всюду наложило на него свою тяжелую руку. Частная инициатива не только была устранена отъ дѣла, но оно сразу стало для нея дѣломъ запретнымъ. Нѣкій нашъ желѣзнодорожный служащій, устроившій безъ разрѣшенія приѣмную станцію для полученія метеорологическихъ бюллетеней съ Эйфелевой башни изъ Парижа, чуть не навлекъ на себя обвиненія въ государственномъ преступленіи.

Летательные аппараты тяжелѣе и легче воздуха въ изумительно короткій срокъ подчинили человѣку надземную атмосферу. Появились воздушныя флотиліи, но только военныя, т. е. приспособленныя для надобностей войны, для военныхъ развѣдокъ и для бросанія бомбъ. Въ глубокой тайнѣ Германія создавала и испытывала свои цеппелины. Въ такой же тайнѣ г. Сикорскій строилъ у насъ аэропланы, способные поднимать до двадцати человѣкъ. Все напряженіе мысли было направлено лишь къ тому, чтобы сдѣлать цеппелины и аэропланы новымъ средствомъ войны, новымъ средствомъ разрушенія. Никакой пользы для культурно-промышленной жизни человѣчества завоеваніе воздуха не принесло. Милитаризмъ властно потребовалъ и этой жертвы.

Милитаризмъ, какъ государственная система одного государства, неустранимо вынуждаетъ и всѣ другія быть милитаристическими. Не одно слѣпое подражаніе Германіи, конечно, заставляло всѣ государства Европы безостановочно, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, увеличивать численный составъ армій, строить крѣпости и броненосцы и, въ ущербъ запросамъ просвѣщенія, культуры и экономики, развивать военные расходы. Такъ обязывало поступать чувство государственнаго самосохраненія. И насколько въ томъ правы были не только великія державы, но и государства нейтральныя, — разгромъ Льежа, Намюра и Лувена доказалъ съ очевидностью.

Германскій милитаризмъ растворилъ и поглотилъ того «народнаго учителя», который въ 1870 г. далъ торжество Пруссіи надъ Франціей. Имѣя въ своемъ прошломъ это торжество, прусскій солдатъ имѣлъ въ настоящемъ успѣшную колониальную политику и исключительный ростъ промышленной дѣятельности. А потому побѣда надъ прусскимъ солдатомъ будетъ имѣть мировое значеніе въ двоякомъ отношеніи: не станетъ, во-первыхъ, «гнѣзда милитаризма» и, во-вторыхъ, милитаризмъ утратитъ престижъ. Нельзя забывать, что народы Европы, изнывая подъ бременемъ милитаризма, къ гнѣзду его все-таки относились съ уваженіемъ. Германія въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія стояла какъ фактъ огромной, хотя и не вполне разгаданной, силы. Симпатіи къ ней только съ каждымъ годомъ падали.

«Отовсюду,—пишетъ П. Кропоткинъ,—слышатся такія рѣчи: союзники побѣдятъ, и эта война будетъ послѣдней европейской войной. Права всѣхъ національностей на свободное развитіе будутъ признаны; федеративное начало найдетъ широкое приложеніе при передѣлѣ карты Европы. Безобразіе войны и неспособность вооруженнаго мира предотвратитъ ее такъ бьютъ въ глаза, что наступаетъ періодъ всеобщаго разоруженія. А единеніе внутри передовыхъ націй, къ которому уже теперь ведетъ необычайное напряженіе всѣхъ силъ, съ тѣхъ поръ, какъ надвинулась общая опасность, неизбежно оставитъ слѣды во всѣхъ народахъ. Оно уже кладетъ зачатки новой, болѣе объединенной жизни всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ слагаются націи.. Таковы мысли, нарождающіяся въ Западной Европѣ. Онѣ вѣрны, и онѣ должны восторжествовать» («Русскія Вѣдомости», № 206).

Какъ ни заманчивы, однако, такія перспективы, вполне отдаваться во власть ихъ не приходится. Вырвать «гнѣздо милитаризма» — не значитъ еще создать условія, чтобы нынѣшняя война была «послѣдней европейской войной». Ибо отвлеченная причина войны лежитъ глубже: она лежитъ въ законченной обособленности современныхъ государствъ. Съ правовой точки зрѣнія, каждое современное государство есть, по выраженію В. С. Соловьева, «совершенное тѣло». Во главѣ cadaго государства стоитъ авторитетъ верховной, самодовлѣющей власти,—тотъ авторитетъ, который исключаетъ возможность обращенія союза государствъ въ союзъ правовой. А разъ единеніе отдѣльныхъ людей, родовъ, племенъ или государствъ,—все равно,—не имѣетъ правового обоснованія, сила неустранимо остается единственнымъ конечнымъ регуляторомъ взаимоотношеній.

Представимъ себѣ двухъ дикарей на необитаемомъ островѣ. Оба голодны. Они нашли пищу, достаточную насытить одного. Возможно, что они миролюбиво подѣлятъ добычу и примирятся съ тѣмъ, что ни одинъ не будетъ насыщенъ. Возможно, что просьбы, убѣжденія и логическіе доводы одного въ такой мѣрѣ подѣйствуютъ на другого, что этотъ второй уступитъ первому всю добычу. Но если соглашеніе между ними не будетъ достигнуто, то въ ихъ распоряженіи останется одно средство разрѣшенія возникшаго столкновения интересовъ—бой, драка. Отъ силы доводовъ они перейдутъ къ силѣ кулаковъ, и чьи кулаки окажутся могущественнѣе, тотъ доставитъ торжество своему интересу и тѣмъ самымъ разрушитъ интересъ противника. И при этомъ нельзя будетъ осудить ни того, ни другого, ни побѣдителя, ни побѣжденнаго: оба въ своемъ сознаніи были правы, ибо оба одинаково испытывали мученія голода.

Внутри правовыхъ условій государственнаго бытія подобное положеніе вещей невысказуемо. Какое бы внутри этихъ условій ни возникло столкновение интересовъ, какъ бы безспорно правымъ ни рисовался каждому изъ спорящихъ гражданъ въ его сознаніи его интересъ,—въ государствѣ существуетъ объективная правда, законъ, существуютъ органы, постановляющіе обязательныя для гражданъ рѣшенія, и существуетъ власть достаточно сильная, чтобы приводить рѣшенія въ исполненіе. Но внѣ условій государственнаго бытія нѣтъ ни объективной правды, ни опирающагося на силу авторитета власти. А потому два государства, на какой бы высокой ступени цивилизаціи они ни стояли, вполне уподобляются дикарямъ на необитаемомъ островѣ. Между государствами постоянно возникаютъ самыя разнообразныя столкновения интересовъ, политическихъ и экономическихъ. Для урегулированія ихъ государства вступаютъ въ договорныя отношенія. Договоръ, добровольное соглашеніе и въ жизни отдѣльныхъ людей имѣетъ безспорно немалое значеніе: люди совершаютъ гораздо болѣе дѣйствій по моральнымъ побужденіямъ, нежели по принужденію органовъ государственной власти. Также точно и въ жизни государствъ договоры играютъ весьма существенную роль. Но, какъ соглашеніе добровольное, договоръ можетъ и не состояться. Если же онъ не состоялся, а возникшее столкновение интересовъ необходимо требуетъ разрѣшенія, остается одно средство—война, т. е. тотъ самый бой и та самая драка, къ которымъ прибѣгаетъ дикарь.

И трагизмъ вопроса заключается въ томъ, что уже въ теченіе долгихъ столѣтій исторія государствъ и международныхъ отношеній идетъ по двумъ кривымъ, какъ бы сближающимся, но, въ сущности, все болѣе и болѣе одна отъ другой удаляющимся. Кривая между-

народныхъ отношеній все тѣснѣе сплетаетъ интересы и все крѣпче затягиваетъ узлы связей. Кривая государственности все выше поднимаетъ идеи государственной державности и государственнаго верховенства и тѣмъ все крѣпче замыкаетъ «совершенныя тѣла» государствъ. Получается въ итогѣ одновременное сближеніе и разьединеніе государствъ,—сближеніе въ сношеніяхъ и разьединеніе въ смыслѣ отдаленія возможности сліянія государствъ въ правовой союзъ. И потому, трактовать, при существующихъ условіяхъ, о полномъ устраненіи войны равносильно требованію отъ человѣчества нравственнаго совершенства. Оставаясь на реальной почвѣ, можно трактовать лишь о расширеніи сферы примѣненія договорнаго способа разрѣшенія столкновеній между государствами, поскольку такое расширение соответствуетъ подъему уровня культуры. Не уносясь въ область мечтаній, можно и должно стремиться къ возможно большому ограниченію вооруженій, а не къ «всеобщему разоруженію». Другими словами—къ отказу отъ милитаризма, къ наибольшему сокращенію числа штыковъ.

И это будетъ уже колоссально большимъ фактомъ и неисчерпаемо важнымъ завоеваніемъ человѣческаго духа. Государство примѣняетъ силу не только внѣ своихъ границъ, но и внутри ихъ, ибо въ основаніи примѣненія права тоже лежитъ сила, составляющая существенный элементъ понятія государственной власти. А потому на первый взглядъ можетъ казаться, что между войной и принудительными дѣйствіями органовъ власти внутри государства нѣтъ принципиальнаго отличія. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, становится очевиднымъ, что различіе есть и что оно лежитъ глубоко: во-первыхъ, въ соотношеніи силы и права, во-вторыхъ—въ способѣ примѣненія силы. Въ жизни внутри-государственной сила служитъ лишь опорой и сама, въ то же время, на право опирается. Иными словами, внутри-государственной жизни сила и право находятся въ тѣсномъ взаимодействіи. Въ сферѣ же междугосударственныхъ отношеній сила является самостоятельнымъ средствомъ разрѣшенія столкновеній и опирается только на моральныя начала, но не на правовыя положенія. Въ междугосударственной жизни взаимодействія права и силы нѣтъ, сила замѣняетъ право. А потому и способъ примѣненія силы въ жизни междугосударственной совершенно не тотъ, чѣмъ въ жизни внутригосударственной. Внутри государства сила примѣняется для принужденія неправого, вслѣдствіе чего границы примѣненія силы суживаются предѣлами крайней въ томъ необходимости. Между государствами сила примѣняется какъ способъ разрѣшенія столкновеній двухъ, одинаково сознающихъ свою нравственную правоту, единицъ, вслѣдствіе чего границы примѣненія силы опредѣля-

ются исключительно предѣлами фактической возможности. Форма примѣненія силы между государствами активная—бой, драка. На войнѣ нѣтъ ни усмиренія непокорнаго, ни прекращенія безпорядка. На войнѣ равный дерется съ равнымъ.

Разъ границы примѣненія силы на войнѣ опредѣляются исключительно предѣлами фактической возможности, то отсюда и вытекаетъ, съ одной стороны, стремленіе государствъ безпредѣльно развивать средства вооруженія, съ другой—жестокость войнѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи государства уже отъ многого отказались. Такъ, въ сухопутной войнѣ принять принципъ неприкосновенности частной собственности, установлено понятіе военноплѣннаго, стало обязательнымъ спасеніе жизни раненаго непріятельскаго воина, признано недопустимымъ употребленіе разрывныхъ пуль и т. д.,—словомъ, создалось различеніе того, что дозволено на войнѣ и что не дозволено. Такимъ образомъ, кромѣ предѣловъ фактической возможности, явилось уже нѣчто другое, ограничивающее войну въ смыслѣ причиненія врагу наибольшаго вреда. Намѣчающаяся очередная задача—если «гнѣздо милитаризма» будетъ сломлено—распространить однородныя ограниченія и въ сторону отказа отъ милліонныхъ армій и отъ милліардныхъ военныхъ бюджетовъ.

Какъ это удастся сдѣлать—гадать и предполагать рано. Въ данную минуту всѣ мысли должны быть направлены къ одному: достигъ того «если», съ котораго сейчасъ начинаются и которымъ кончаются всѣ упованія на будущее. Не слѣдуетъ лишь скрывать отъ себя, что сдѣлать это будетъ нелегко. Но доброе желаніе націй, справедливо размежевавшихся, и единеніе ихъ, къ которому ведетъ необычайное напряженіе всѣхъ силъ, даютъ надежду, что формула отказа отъ милитаризма будетъ найдена.

Полно юнкерскаго самодовольства и кичливой похвальбы было первое выступленіе по поводу войны знаменитаго автора «Ткачей», Гергарда Гауптмана. Въ его отвѣтномъ письмѣ Роменъ Роллану тонъ совершенно другой. Правда, и въ этомъ письмѣ слышатся еще трескучія фразы по адресу нѣмецкихъ солдатъ. «Разумѣется,—пишетъ Гауптманъ,—наши доблестныя войска внушили вамъ страхъ. За ними—слава силы, которая непобѣдима»... Но сквозь эти горделивыя слова уже ясно видно, что Гауптманъ не нападаетъ, а обороняется и оправдывается. Въ его мозгъ глубоко вошли напоминанія о «гуннахъ» и о «сынахъ Аттилы». Онъ чувствуетъ, что правда

не съ нѣмцами. Ему мерещится, хотя онъ отъ нея отерещивается, «могила съ сентиментальной надписью: милые потомки Гёте».

Такъ точно и Вильгельмъ уже выпустилъ изъ своихъ рукъ инициативу войны. Онъ перебрасываетъ войска съ одного фронта на другой. Онъ, правда, еще нападаетъ, но не онъ уже диктуетъ союзникамъ, гдѣ должны разыгрываться бои. Черезъ два мѣсяца войны, нападенія нѣмцевъ и въ полѣ, и въ прессѣ, получили характеръ вынужденной обороны. Германизмъ изолированъ. Германизмъ испытываетъ давящую тяжесть одиночества. Звѣрства и презрѣніе этическихъ требованій отвратили отъ нѣмцевъ весь міръ. Они ищутъ симпатій—въ Турціи... Да, только въ Турцію могутъ идти за симпатіями тѣ, кто такъ ведетъ войну, какъ ее ведутъ гунны XX вѣка. Новый фактъ—судъ надъ взятымъ въ плѣнъ русскимъ генераломъ.

По сообщенію «Berliner Tageblatt», его привезли въ Галле въ оковахъ. Ему предъявили обвиненіе въ жестокомъ отношеніи къ мирному населенію и предали суду. Та же газета 17 сентября (нов. ст.) писала: «Можно будетъ привѣтствовать, если по отношенію къ этому русскому генералу, подвергнувшему опустошенію восточно-прусскую область и допустившему убійства мирнаго населенія, не будетъ проявлено никакой милости». «Русское Слово» (№№ 216 и 217) передаетъ, что, по поводу обвиненія генерала, въ Берлинѣ было опубликовано даже особое правительственное сообщеніе, въ которомъ былъ приведенъ текстъ какой-то миеической радіотелеграммы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось: для подтвержденія возведеннаго противъ генерала обвиненія до сихъ поръ никакихъ доказательствъ не найдено. Самъ онъ отрицаетъ свою вину. Слѣдствіе производствомъ продолжается.

Независимо отъ несомнѣнной лживости обвиненія, взведеннаго на русскаго генерала, вниманіе юриста не можетъ не останавливать самый фактъ возбужденія уголовного преслѣдованія передъ германскимъ военнымъ судомъ противъ взятаго въ плѣнъ русскаго генерала за дѣйствія, будто бы совершенныя имъ до момента плѣненія. Такой судъ самъ по себѣ является кричащимъ примѣромъ противозаконія.

Военноплѣнный—не преступникъ; онъ поступаетъ во власть непріятеля только съ момента плѣненія. Только за дѣйствія, совершенныя послѣ этого момента, онъ подлежитъ закону и суду арміи, его взявшей. Иначе, конечно, быть не можетъ, ибо, если допустить противное, то исчезло бы самое понятіе военноплѣннаго. Если признать возможнымъ, что взявшій въ плѣнъ будетъ трактовать

дѣйствія взятаго, совершенныя прежде взятія, какъ преступленія, то военнопленныхъ не будетъ вовсе, а будутъ одни лишь подлежащіе суду и карѣ преступники, — такъ какъ вся дѣятельность непріятельскаго война есть не что другое, какъ сплошное причиненіе вреда противнику, т. е., съ точки зрѣнія закона захватившей его арміи, сплошное совершеніе тягчайшихъ преступныхъ дѣяній. А потому право войны и всѣ военно-уголовные кодексы, не исключая германскаго, знаютъ единственный случай допустимаго сужденія захваченнаго непріятеля. Этотъ случай — захватъ шпиона. Но шпионъ не берется въ плѣнъ: онъ не пользуется охраной войны и подлежитъ задержанію, какъ преступникъ.

Съ формальной стороны, даже одно производство слѣдствія, въ порядкѣ германскаго военнаго суда, по поводу инкриминируемыхъ русскому генералу дѣйствій представляется рѣзко противозаконнымъ. Воюющая армія пользуется экстерриториальностью; она несетъ съ собой и за собой свое матеріальное право и свой судъ. А потому, что бы ни совершилъ, до взятія его въ плѣнъ, нашъ генералъ на территоріи Пруссіи, — за всѣ такія дѣйствія онъ можетъ быть отвѣтственъ исключительно передъ русскимъ военнымъ судомъ и исключительно по русскимъ военно-уголовнымъ законамъ. Нормъ германскаго военнаго права, ни матеріальныхъ, ни процессуальныхъ, какъ нормъ обязательныхъ, для него тогда не существовало и существовать не могло. И, наконецъ, какъ возможно производить судъ и слѣдствіе, т. е., предьявляя обвиненіе, спрашивать о чемъ бы то ни было военнопленного, когда всякій его отвѣтъ былъ бы раскрытіемъ военной тайны и когда по праву войны онъ обязанъ лишь объявить свое настоящее имя и чинъ?

По свѣдѣніямъ той же газеты, русскій генеральный штабъ опровергъ сообщенія нѣмецкой печати относительно приказовъ, будто бы отданныхъ генераломъ, и, въ случаѣ причиненія генералу страданій, обѣщаль отвѣтить репрессіями. Будемъ надѣяться, что угроза репрессій, въ связи съ отсутствіемъ доказательствъ, возымѣетъ дѣйствіе. Но и одно возбужденіе противъ русскаго генерала обвиненія не можетъ не быть записано въ «черную книгу» германскихъ издѣвательствъ надъ этикой и обычаями войны.

Никогда, кажется, не приходилось еще вспоминать съ такой грустью о сотняхъ тысячъ тюремныхъ сидѣльцевъ и о заполняющихъ тундры административныхъ ссыльныхъ. Никогда, — потому что къ соображеніямъ гуманнаго свойства нынѣ присоединяются соображенія совершенно другого порядка, вытекающія изъ жгучей потреб-

ности государства въ молодыхъ и здоровыхъ людяхъ, чтобы они съ ружьемъ въ рукахъ защищали родину.

Дѣйствительно, тюрьма во время войны представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые наводятъ на особенно тяжелыя мысли. Съ одной стороны, на счету каждый человѣкъ, способный носить оружіе, а съ другой,—тысячи и тысячи такихъ людей не только не принимаютъ участія въ оборонѣ страны, но еще сами отвлекаютъ многіе батальоны запасныхъ и солдатъ срочной службы, обслуживающихъ охрану тюремъ и препровожденіе арестантовъ изъ одного мѣста заключенія въ другое. Если поголовно исключить изъ расчета арестантовъ, потерявшихъ въ тюрьмѣ здоровье или перешедшихъ предѣльный возрастъ призыва на войну, то, все-таки, навѣрное, осталась бы внушительная армія, превышающая численностью составъ цѣлаго корпуса. А къ этой арміи надо еще прибавить другую—армію находящихся въ ссылкѣ или, безъ возможности возвращенія на родину, за рубежомъ.

Съ самаго начала войны отовсюду доходятъ сообщенія, что тюрьма стала неузнаваемой. Понизилось число нарушеній тюремной дисциплины, увеличилось усердіе арестантовъ въ работѣ,—въ жизнь тюрьмы, словомъ, влилась новая струя. Арестанты живо интересуются совершающимися событіями и съ жадностью ловятъ проникающія черезъ тюремную ограду извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. И главное тюремное управленіе откликнулось на эти естественныя и изъ-за стѣнъ тюрьмы столь болѣзненныя желанія. Особымъ циркуляромъ оно оповѣстило губернаторовъ, что признаетъ возможнымъ «ознакомленіе заключенныхъ съ официальными телеграммами Верховнаго Главнокомандующаго, его штаба и главнаго управленія генеральнаго штаба, а также съ манифестами и Высочайшими указами, къ войнѣ относящимися». При этомъ высказано пожеланіе, чтобы начальники тюремъ, въ случаѣ возможности, пользовались изданіями «Правит. Вѣстника» и «Губ. Вѣдомостями».

Отъ массы арестантовъ стали поступать ходатайства о зачисленіи ихъ добровольцами въ дѣйствующую армію. Главное тюремное управленіе предложило начальникамъ тюремъ, какъ сообщалось въ газетахъ, удовлетворять такія ходатайства, «при наличіи условій, указывающихъ на доброе намѣреніе и возможность его осуществленія».

Кромѣ этого краткаго сообщенія, ничего по данному поводу въ печати, къ сожалѣнію, не появлялось. Изъ него же, конечно, нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ. Неизвѣстно, для какихъ категорій арестантовъ—политическихъ или уголовныхъ, подвергшихся праволишеніямъ или не ограниченныхъ въ правахъ—циркуляръ

раскрылъ тюремныя двери. Неизвѣстно также, что надлежитъ разумѣть подь «возможностью осуществленія» добраго намѣренія заключеннаго, ходатайствующаго о зачисленіи его добровольцемъ, и отъ чего эта возможность должна и можетъ зависѣть. Неизвѣстно, наконецъ, самое главное: получилъ ли циркуляръ примѣненіе и насколько широкое.

При данныхъ психологическихъ условіяхъ, въ которыхъ протекають переживаемыя событія, широкое раскрытіе дверей тюрьмы, для отправленія желающихъ заключенныхъ въ дѣйствующую армію, можно было бы только привѣтствовать. Ибо съ какой точки зрѣнія ни подойти къ вопросу, его разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ едва-ли можетъ вызывать какія бы то ни было опасенія. Влитые въ войска, даже десятки тысячъ заключенныхъ распредѣлятся, какъ единицы, въ занимающихъ позиціи и окопы ротахъ. И насколько бы ни было преступно ихъ прошлое, боевого облика ротъ эти единицы не измѣнять. Можно смѣло, полагаемъ, допустить въ армію, безъ малѣйшаго опасенія, что они разрушатъ ея духъ и внесутъ разстройство въ ея ряды, и политическихъ и уголовныхъ заключенныхъ. Въ отношеніи уголовныхъ—нельзя не учитывать очищающей силы всеобщаго и повсемѣстнаго мощнаго подъема народнаго настроенія. Въ отношеніи политическихъ—обстоятельства японской войны отнюдь не могутъ служить противопоказаніемъ. Тогда не было и тѣни нынѣшняго всенароднаго подъема. Тогда были совершенно другія внутренне-политическія обстоятельства.

Отбывающіе кару участники революціонныхъ «сообществъ»—плоть отъ плоти Кропоткина, Бурцева, убитаго въ бою Малиновскаго или вернувагоса въ Россію и арестованнаго въ Одессѣ Козьмодемьянскаго. И по тому, что пишетъ Кропоткинъ, что писалъ и что сдѣлалъ Бурцевъ, съ какой готовностью русскіе эмигранты заполняютъ ряды французскихъ и бельгійскихъ солдатъ, можно безошибочно заключить о настроеніи, мысляхъ и чувствахъ нашей политической тюрьмы и нашей политической ссылки. Еще въ первыхъ числахъ сентября въ «Times» было опубликовано письмо В. Л. Бурцева, въ которомъ онъ заявлялъ: «Всѣ партіи и всѣ классы населенія въ Россіи объединились по случаю войны за дѣло челоувѣчества и свободы. Правительство будетъ единодушно поддержано въ его усиліяхъ довести борьбу до конца». И это не были только слова. Зная, какія для него могутъ наступить послѣдствія, В. Л. Бурцевъ оставилъ Парижъ и направился въ Россію. Въ запискѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ онъ объяснилъ свое возвращеніе «мотивами патріотическаго характера» («Новое Время», № 13836).

Собравшійся 14 и 15 сентября, въ Москвѣ, съѣздъ всероссійскаго союза городовъ имѣлъ чисто-дѣловой характеръ. Позволительно сказать, что съѣздъ былъ слишкомъ дѣловымъ. Почти все время ушло даже не на пренія, а на безконечныя заявленія представителей городовъ, гдѣ и сколько готово и еще можно оборудовать кроватей, гдѣ и въ чемъ недостатки, гдѣ и какія уже были тренія и столкновения съ Краснымъ Крестомъ и съ администраціей, сколько какому городу нужно денегъ. Комитетъ союза предлагалъ, чтобы разгрузить работу центральныхъ органовъ, образованіе областныхъ организацій, приуроченныхъ къ главнымъ пунктамъ сосредоточенія и распределенія раненыхъ. И съѣздъ одобрилъ такую систему. Но, все-таки, каждый представитель считалъ своимъ долгомъ и правомъ, не ожидая созыва областного съѣзда, изложить на всероссійскомъ съѣздѣ горести и нужды своего родного угла, а порой пощекотать самолюбіе разсказомъ о томъ, что по своей инициативѣ и на свои средства городомъ уже сдѣлано.

Отсутствіе какой бы то ни было группирующей города организаціи составляетъ особенность нашего городского самоуправления, сравнительно съ самоуправленіемъ земскимъ, и съ этой особенностью союзу городовъ предстоитъ немало еще считаться. Земскій союзъ, опирающійся на губернскія земства, могъ безъ труда создать областныя группы губерній. Союзу городскому создать такія группы будетъ неизмѣримо труднѣе. Въ первый же день съѣзда, при провъркѣ полномочій, на этой почвѣ едва не возникъ острый конфликтъ. Согласно рѣшенію августовскаго съѣзда городскихъ головъ, право непосредственнаго участія въ всероссійскомъ съѣздѣ проектировалось предоставить представителямъ всѣхъ губернскихъ городовъ, а изъ уѣздныхъ — лишь тѣхъ, бюджетъ которыхъ достигаетъ трехсотъ тысячъ рублей. Какъ только съѣздъ былъ открытъ, со стороны представителей прочихъ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ раздались протесты. И нельзя было не признать, что протестующіе правы. Какъ бы ни былъ незначителенъ городъ, онъ составляетъ такую же, вполне обособленную, единицу городского самоуправления, какъ и города самые крупныя, съ миллионными бюджетами. А потому, разъ городъ присоединился къ союзу и свое присоединеніе закрѣпилъ денежнымъ взносомъ, то для лишенія его представительства на всероссійскомъ съѣздѣ не можетъ быть никакихъ основаній. И съѣзду пришлось отказаться отъ августовскихъ предположеній.

В. Кузьминъ-Караваевъ.